

**Интегративная концепция
социальной напряженности — методология,
концептуальная схема, прагматика¹**

Аннотация

В статье предложена интегративная концепция социальной напряженности. Актуализация проблемы обосновывается размытостью дефиниций социальной напряженности, наличием многих понятий-спутников (конфликт, война, борьба, протест, сопротивление, anomia и т.д.) с неопределенным статусом по отношению к СН, а также неопределенностью с пониманием того, как связаны между собой проявления социальной напряженности на макро-, мезо- и микроуровне социальной реальности.

На основе парадигмы сложности (complexity theory), практической парадигмы (П.Бурдьё), сетевого подхода (Б.Латур) и предложенного концепта “социальной ткани” сформирован понятийный каркас, с помощью которого построена основная концептуальная схема. Последняя представляет собой трехфазную динамическую модель социальных изменений, где социальная напряженность выступает основным параметром фазовых переходов между качественно различными состояниями общества. Это следующие состояния: 1) стабильность; 2) конструктивно-адаптивная нестабильность; 3) деструктивная нестабильность. Обосновано, что доминирующая поведенческая реакция на рост СН и доминирующий способ выхода из ситуации в каждой из выделенных общественных фаз будут различными: 1) стабильность — биографический способ; 2) конструктивно-адаптивная нестабильность — локальные конструктивные солидарные коллективные действия; 3) деструктивная нестабильность — масштабные деструктивные коллективные действия, протесты, конфликты, революции.

¹ Продолжение. Начало см. в № 3 за 2018 год.

В рамках предложенной модели социальная напряженность получает свою трактовку на каждом из уровней социальной реальности: макро — разрыв социальной ткани; мезо — разрушенность устоявшихся практик сетевых взаимодействий; микро — габитуальный кризис, кризис эмоциональных состояний. Указано на нелинейность и неоднозначность векторов возможных фазовых переходов между общественными состояниями и показано решающее значение менеджмента СН в процессе перехода системы из одного состояния в другое. Отмечено, что мониторинг изменений в повседневных практиках сетевых взаимодействий и соответствующих эмоциональных состояний членов общества является ключевым моментом в выработке адекватных менеджерских решений.

Ключевые слова: Социальная напряженность (СН), парадигма сложности, социальная ткань, практики сетевых взаимодействий, габитуальный кризис, фазовые системные переходы, менеджмент социальной напряженности

ЛЮБОВ БЕВЗЕНКО,

доктор соціологічних наук, провідний науковий співробітник Інституту соціології НАН України, Київ

Інтегративна концепція соціальної напруженості — методологія, концептуальна схема, прагматика

Анотація

У статті запропоновано інтегративну концепцію соціальної напруженості. Актуалізація проблеми обґрунтовується розмитістю дефініцій поняття соціальної напруженості, наявністю багатьох понять-супутників (конфлікт, війна, боротьба, протест, супротив, аномія тощо) з невизначеним статусом стосовно СН, а також браком розуміння того, як пов'язані між собою прояви соціальної напруженості на макро-, мезо- та мікрорівні соціальної реальності. На підставі парадигми складності (complexity theory), практичної парадигми (П.Бурдье), мережевого підходу (Б.Латур) та запропонованого концепту "соціальної тканини" сформовано поняттєвий каркас, за допомоги якого побудовано основну концептуальну схему. Остання являє собою трифазну динамічну модель соціальних змін, де соціальна напруженість виступає головним параметром фазових переходів між якісно відмінними станами суспільства. Це такі стани: 1) стабільність; 2) конструктивно-адаптивна нестабільність; 3) де-

структивна нестабільність. Обгрунтовано, що домінантні поведінкова реакція на зростання СН і домінантний спосіб виходу із ситуації в кожній із виокремлених суспільних фаз будуть різними: 1) стабільність — біографічний спосіб; 2) конструктивно-адаптивна нестабільність — локальні конструктивні солідарні колективні дії; 3) деструктивна нестабільність — масштабні деструктивні колективні дії, протести, конфлікти, революції.

У рамках запропонованої моделі соціальна напруженість дістає трактовку на кожному з рівнів соціальної реальності: макро — розрив соціальної тканини; мезо — порушення усталених практик мережових взаємодій; мікро — габитуальна криза, криза емоційних станів.

Вказано на нелінійність та неоднозначність векторів можливих фазових переходів між суспільними станами і показано вирішальне значення менеджменту СН у процесі переходу системи з одного стану в інший. Наголошено, що моніторинг змін у повсякденних практиках мережових взаємодій та відповідних емоційних станів членів суспільства є ключовим моментом у продукуванні адекватних менеджерських рішень.

Ключові слова: *соціальна напруженість (СН), парадигма складності, соціальна тканина, практики мережових взаємодій, габитуальна криза, фазові системні переходи, менеджмент соціальної напруженості*

LIUBOV BEVZENKO,

Doctor of Social Sciences, Leading Research Fellow, Department of Social Psychology, Institute of Sociology of NAS of Ukraine, Kyiv

Integrative Concept of Social Tension: Methodology, Conceptual Scheme, Pragmatics

Abstract

The paper proposes an integrative concept of social tension (ST). The relevance of the issue is determined by vague definitions of social tension itself, by a fairly large number of satellite concepts (conflict, war, struggle, protest, resistance, anomie, etc.), which have an uncertain status with respect to ST, as well as by lack of understanding of how manifestations of social tension at the macro-, mezo- and microlevel of social reality are related to each other.

Using complexity theory, P. Bourdieu's practical paradigm, B. Latour's network approach and the suggested concept of "social fabric", the author has built a conceptual

framework underlying the basic conceptual scheme. The latter is a three-phase dynamic model of social changes, where social tension acts as the main parameter of phase transitions between qualitatively different states of society such as: a) stability; b) structural-adaptive instability; c) destructive instability. It is substantiated that the dominant behavioural response to the increasing social tension and the dominant way to handle a particular situation in each of the designated social phases will be different: a) stability – biographical; b) constructive-adaptive instability – local collective actions, usually constructive and solidaristic by nature; c) destructive instability – massive collective actions like protests, conflicts, revolutions, which are destructive by nature.

Within the framework of the proposed model, social tension is interpreted at each of the levels of social reality in the following way: a) macro – disruption of the social fabric; b) mezo – destruction of the established practices of network interactions; c) micro – habitual crisis, crisis of emotional states.

The author draws attention to the non-linear and ambiguous character of vectors of possible phase transitions between different states of society, stressing the crucial importance of ST management during transition from one state to another. It is noted that the monitoring of changes in people’s everyday practices of network interactions and in their corresponding emotional states is a key element of producing adequate managerial solutions.

Keywords: social tension (ST), complexity paradigm, social fabric, practices of network interactions, habitual crisis, phase and systemic transitions, management of social tension

10. Макроуровень СН – пути уменьшения СН, связь с макросистемными состояниями общества (табл. 1, строки 4 и 5)

Таблица 1

Зависимость состояния общества от уровня СН

1	Фазы общественных состояний в зависимости от ориентировочного уровня социальной напряженности по шкале: <i>0% – минимальная, 100% – максимальная</i>	0–20%, Фаза 1 Социальное состояние 1 (СС1). Уравновешенность, стабильность	20%–35% Фаза 2 Социальное состояние 2 (СС2). Оптимальная неуравновешенность, коридор возможностей прогресса и эволюционного развития	35–40% и более Фаза 3 Социальное состояние 3 (СС3) Критическая неуравновешенность, системная бифуркация, революционные предпосылки
2	Мезоуровень общества Мера устойчивости сетевых практик взаимодействия, мера плотности социальной ткани	Однообразие, повторяемость ПСВ, низкая вариативность. Высокая плотность социальной ткани Единичные разрывы ПСВ	Оптимальная вариативность ПСВ, умеренное количество разрывов. Оптимальная подвижность социальной ткани, являющейся ресурсом адаптивности и постепенной регенерации затронутых практик	Большое количество разорванных ПСВ, критический разрыв социальной ткани, недостаточность ресурса адаптивности и регенерации социальной ткани

Окончание табл. 1

3	Микроуровень общества Стабильность или кризисность габитуса, переживания, эмоции	Небольшая вариативность габитуальных настроек на ПСВ. Единичные случаи габитуального кризиса, стресса, фрустрации	Оптимальный диапазон вариативности габитуальных настроек на ПСВ. Умеренное количество случаев габитуального кризиса, фрустрированности	Значительное (критическое) количество случаев габитуального кризиса. Большое количество тех, кто находится в состоянии социального стресса и фрустрации
4	Настроенность на действие — социальное поведение, способ преодоления габитуального кризиса	Биографическое преодоление. Потребность в психологической поддержке	Коллективное преодоление. Локальные солидарности и протесты, удержание в рамках конструктивных конфликтов	Коллективное преодоление. Масштабные солидарности, деструктивные протесты и конфликты, революция
5	Макроуровень общества Мера социальной стабильности. Мера адаптивности к эндогенным и экзогенным факторам изменения социального порядка	СС1 Стабильность социального порядка. Традиционные общества. Авторитаризм, тоталитаризм. Угроза порядку — низкая адаптивность к экзогенным разрывам социальной ткани	СС2 Конструктивно-адаптивная нестабильность. Высокая адаптивность к экзогенным и эндогенным разрывам социальной ткани. Коридор возможной эволюции, реформ и развития. Модерное общество	СС3 Деструктивная нестабильность. Социальная дезорганизация. Отсутствие резерва адаптивности к эндогенным и экзогенным факторам изменения социального порядка. Выход на новый порядок через бифуркацию, революцию, Майдан. Непредсказуемость будущего
6	Направления возможных фазовых переходов между СС1, СС2 и СС3 при изменении уровня СН, зависимость от адекватности менеджмента СН	1. Медленный рост СН и переход к СС2 — при адекватном менеджменте СН. Быстрый рост СН. Переход на СС3 наиболее вероятен	1. Эндогенные риски: неадекватный менеджмент СН, уменьшение СН из-за движения к СС1 и авторитаризму. 2. Экзогенные и эндогенные причины роста СН, движение к СС3	1. После временного уменьшения СН новый виток роста СН и переход к СС3, слабый менеджмент СН 2. Переход к СС1: слишком жесткий менеджмент, ограничение свобод. 3. Наиболее сложный переход к СС2 — только при адекватном кризисном менеджменте СН

Сокращения: СС — социальное состояние или состояние социума, СН — социальная напряженность, ПСВ — практики сетевых взаимодействий, СТ — социальная ткань.

10.1. От микроуровня на макроуровень

В этой части работы мы приближаемся к самому важному вопросу с точки зрения понимания макроуровневой реакции общества на СН: в какие коллективные формы социального поведения воплощается упомянутая в

параграфе 8.6¹ микроуровневая готовность к движению в направлении возобновления своей вписанности в социальную ткань? Всегда ли это именно коллективные формы? И почему в одних случаях люди терпят и молчат, а в других начинаются протесты и революции?

В субъективной перспективе важен вопрос — почему люди выбирают разные варианты реагирования на габитуальный кризис и ту напряженность в их субъективном пространстве, которые являются микроуровневым проявлением СН?

Нужно сразу оговорить определенное упрощение ситуации в этих теоретических построениях. Не отрицая того, что сугубо психологические особенности человека (темперамент, тип психики — интроверсия, экстраверсия и т.п.) в каждом частном случае, безусловно, оказывают влияние, в данном случае мы их вынесем за скобки и будем интересоваться тем влиянием, которое оказывает на человека макросоциальная ситуация, соответствующее социальное состояние (СС), являющееся общим и чрезвычайно весомым фактором для большинства членов того или иного социума.

И здесь мы вновь возвращаемся к тем условным цифрам, которые содержатся в *табл. 1, в строке 1*. Вся предложенная выше логика приводит нас к выводу — способ, которым обычный человек будет действовать, оказавшись в состоянии габитуального кризиса, зависит от тех общих показателей степени разрыва социальной ткани, которые приведены в первой строке таблицы. Иными словами, поскольку в основе лежат разрывы ПСВ, на реакцию конкретного человека оказывает влияние не только его собственное состояние (микроуровень), но и то, сколько еще людей вокруг оказались в таких точках разрыва и имеют подобное состояние.

Как именно это происходит? Посмотрим на каждое из отмеченных в таблице социальных состояний (СС), где в качестве главной характеристики выбран уровень СН.

10.2. СС1 — стабильное общество, биографический путь снятия СН

Социальная ткань менее чем на 20% отклоняется от полной плотности. Это означает, что примерно 20% повседневных практик подвергаются разрывам и отклонениям. Здесь очень важно подчеркнуть — речь идет не о 20% у каждого человека, а о 20% как среднем для всего общества показателе разорванных взаимодействий. Для кого-то это не означает никаких разрывов, а для кого-то это реальный габитуальный кризис.

Это тот случай, когда небольшое отклонение от железных правил в повседневных практиках нужно трактовать скорее как уровень свободы в обществе. Иными словами, 20-процентное отклонение от ненарушенной плотности социальных сетевых взаимодействий означает, что в них есть определенный люфт — можно иметь обычный магазин для закупки продуктов, но при этом есть варианты нарушения этой привычки, и закупка допустима и возможна в другом магазине. Можно лечиться только у определенного врача, но может быть и выбор. Можно водить ребенка только в данную школу или данный детский сад, а могут быть и варианты. И так далее. Для того, кто имеет опыт жизни в тоталитарном или авторитарном обществе, эти примеры понятны, и он, скорее всего, назовет это свободой. С системной

¹ 8.6. Макроуровень СН и состояния общества.

точки зрения, эти условные 20% суть минимально необходимая свобода и поведенческий люфт, который позволяет обществу адаптироваться к возможным колебаниям внешних условий.

Как действует человек, ощутивший на себе существенные разрывы ПСВ в обществе типа СС1?

Это ситуация, когда отдельный человек оказался в центре существенных разрывов и внезапно нарушались несколько жизненно важных практик и соответствующих сетевых взаимодействий. Здесь уже неплотность социальной ткани ощущается персонально не как свобода, а как габитуальный кризис, фрустрация. Но таких случаев может быть относительно немного, если общесистемный уровень разрывов социальной ткани не будет выходить за обозначенные 20%. Поэтому для такого человека маловероятно, что поблизости окажутся другие люди со схожими проблемами и что их будет много. Наиболее вероятный путь выхода из кризиса — биографический. Искать, как снова попасть в эмоциональную зону спокойствия и уверенности, человек должен сам. В лучшем случае — в очень узком кругу тех, кто имеет такие же проблемы, если он их найдет. Никаких системных потрясений и сдвигов здесь быть не может. В перечень вариантов биографического решения проблемы попадают и такие варианты, как выход из системы путем миграции или даже такой радикальный выход, как самоубийство. Классический труд Дюркгейма касается, в частности, этого [Дюркгейм, 1994].

О каких обществах здесь идет речь? Это социальное состояние с полным правом можно обозначить как **состояние социальной стабильности**. В отличие от позитивных ожиданий в отношении этого определения из-за нашей привычки считать стабилизацию положительным явлением, здесь обнаруживаются неявные смысловые нюансы. Стабилизация как процесс и стабильность как малоподвижное состояние общества — разные вещи. Стабилизация для общества желательна в состояниях, далеких от равновесия. Но слишком равновесные и стабильные состояния имеют весьма ограниченный круг позитивных характеристик. Конкретно речь идет о тех обществах, где порядок устойчивый и повторяющийся, о традиционных, авторитарных, тоталитарных. Там трудно представить коллективные протесты или отличные от биографических реакции на рост СН. Повседневные практики сетевых взаимодействий тоже являются повторяющимися, устойчивыми и предсказуемыми, нормативное пространство четко определено и малоподвижно.

В рамках научного дискурса следует отказаться от оценочных суждений по поводу названных общественных устройств. Общественная история богата фактами их существования, причем довольно длительного. Поэтому для социолога, по моему мнению, важно понять, почему это происходит и почему эти общества в конечном счете разрушаются.

Ответ на вопрос, что обеспечивает таким обществам длительное существование, лежит не только в плоскости страха и насилия, которые выходят на первый план при стороннем взгляде на эти социальные порядки, особенно в перспективе истории. Внутренним механизмом их долгой устойчивости является именно та предсказуемость, стабильность повседневности, которая там существует. Она дает на субъективном уровне весь тот спектр эмоциональных состояний, который соответствует низкому уровню СН. Конечно, речь идет о статистически весомом количестве членов общества, которые это ощущают. (Об условных диссидентах мы здесь не говорим, учи-

тывая сравнительно малое их количество.) Советский Союз — здесь хрестоматийный пример. Стабильность его повседневности до сих пор служит поводом для ностальгии по тем временам для большинства из тех, кто не попал тогда в ситуации габитуального кризиса.

Но существует иной вопрос — почему рано или поздно эти общества разрушаются? В чем риск для таких обществ, почему этот уровень СН минимально необходим для существования?

Риск — именно в малой способности к адаптации, низкой вариативности ПСВ, а значит, неспособности к оперативной перенастройке своих сетевых взаимодействий в случае воздействия разрушительных факторов. Эти факторы бывают сначала преимущественно экзогенного характера — такие, как природные катаклизмы, войны, санкции или нечто подобное. Эндогенные факторы прибавляются, если в системе не находится механизмов, которые бы сдерживали развитие соответствующих эмоций — безнадежности, страха, неудовлетворенности и т.п. — при этом возвращали надежду и уверенность. Рост СН, вызванный экзогенными факторами, приводит к быстрому нарушению привычных ПСВ, а отсюда — нарушению плотности социальной ткани и выходу этих нарушений за пределы 20%. Эндогенные — способствуют соответствующим эмоциональным состояниям и росту СН на микроуровне, что порождает соответствующее поведение с риском выхода на конфликты и протесты.

10.3. СС2 — общество конструктивно-адаптивной нестабильности.

Локально-коллективные формы поиска снятия СН

СН в обществе превышает 20%. В этом социальном состоянии неплотность социальной ткани и уровень СН колеблются между 20% и 35–40%. Это диапазон приемлемой СН для жизнедеятельности общества. Учитывая приведенное выше сопоставление СН с социальной свободой, можно сказать, что это оптимальный уровень свободы, когда она еще воспринимается больше как свобода и меньше — как СН. Здесь получают подтверждение теории, которые настаивают на необходимости видеть не только негатив, но и позитив в СН [Ахиезер, Гольц, 1992; Ахиезер, 1995].

В этом СС2 появление разрывов в привычных сетевых практиках, выход на то, что мы обозначили как габитуальный кризис, периодически наблюдается уже у достаточно большого количества людей. Это приводит к тому, что *от лично-биографических механизмов поиска выходов они переходят к коллективным*. Суть фазового перехода от СС1 к СС2 именно в этом.

В терминах разрывов социальной ткани можно сказать — плотность точек разрывов социальной ткани в СС2 значительно увеличивается по сравнению с СС1. И, соответственно, каждый из тех, кто оказался в центрах таких разрывов (в рамках информационной достижимости), с большей вероятностью будет сталкиваться с теми, у кого есть подобные жизненные проблемы.

Хотя в СС2 случаев габитуального кризиса уже существенно больше, чем в СС1, они не приобретают массового характера. Поэтому масштабы *коллективных действий* здесь локальные.

Общие проблемы ведут к образованию *сообществ и локальных солидарностей*, общие представления о путях выхода (например, требования насчет определенных решений властей, образование группы взаимной поддержки, общественные объединения, петиции, забастовки и т.п.) — к общим усили-

ям в осуществлении этих актов. (Средства *информационной достижимости* здесь являются отдельной важной темой. Телефон, телеграф, а в наше время еще и интернет не случайно называют мощной движущей силой протестных событий; они существенно влияли и влияют на увеличение радиуса информационной достижимости, а значит — на поиск тех, с кем можно объединяться в поиске путей снятия габитуальной напряженности.)

СС2 — это уже иное качество общества по сравнению с СС1. Здесь активно работают *адаптивные форматы* уже не личного, а *системного реагирования* на СН. Если обратная связь в системе “общество — власть” работает нормально, то указанные коллективные действия и протесты могут приводить к корректировке институциональных порядков и эволюционным общественным изменениям.

Таким образом, можно констатировать — в случае СС2 уровень разрывов общественной ткани, который здесь наблюдается, выше, чем при СС1, но не критичный, возможность новых “сшиваний” существует. При этом у людей есть надежда не только попытаться наладить это своими силами, “биографическим путем”, как это было в случае СС1, но и объединить свои усилия с теми, у кого есть подобные проблемы.

Весь оптимизм по поводу этого состояния СС2 весьма существенно разрушается, если вспомнить об одной системной особенности — *фазовые переходы не являются простыми и линейными*.

Казалось бы, с ростом СН из авторитарно-тоталитарной зоны СС1 мы переходим в зону СС2, которая в нашей таблице обозначена как оптимистическая конструктивно-адаптивная нестабильность. Но оба этих слова — “конструктивная” и “нестабильность” — здесь несут важные смысловые нагрузки, и, соответственно, тот же процесс роста СН содержит в себе амбивалентную перспективу. Пока это является ростом свободы, увеличивается и потенциал прогресса и адаптивного развития общества, но дальнейший рост СН уже превращает ее из свободы в хаос и неопределенность, где доля конструктива падает, а доля неопределенности увеличивается.

В реальной системной практике существует инерция процесса увеличения сетевых разрывов, разрывов социальной ткани. И именно здесь как нигде нужно это учитывать для управления данными процессами. Диапазон, соответствующий уровню 20–40%, крайне неустойчив, и удержаться в нем системе трудно без филигранного критического менеджмента, который бы не оставлял без внимания события на уровне повседневных практик сетевых взаимодействий. Чаще всего рост СН происходит от СС1 сразу к СС3 (с 20% до 40%). И без умелого менеджмента всего лишь вследствие нескольких колебаний СН на диапазоне значений от минимума (20%) до максимума (40%) может установиться социальное состояние СС2, наиболее благоприятное для общественного развития.

Подробнее мы поговорим об этом дальше, когда будем рассматривать линии фазовых переходов от одного СС к другому. Здесь же об этом следует упомянуть, чтобы не создавалось впечатление, будто с простым ростом СН мы сразу попадаем в более комфортное социальное состояние. Что такая иллюзия имеет место во многих социальных технологиях, мы видим хотя бы из больших надежд на успехи быстрой либерализации (увеличения свободы) и последующих разочарований. А это прогнозируемо в рамках предлагаемой модели. Свобода быстро перерастает в СН.

В качестве примера учета этих механизмов можно привести реформы в Китае. Из состояния СС1 бывшего коммунистического тоталитарного Китая они очень осторожно перешли к состоянию быстрого развития. Но и сейчас уровень свобод не слишком высоки, он возрастает постепенно, что дает возможность стране удержаться в зоне СС2, причем с большим количеством предохранителей роста СН. Конечно, на уровне отдельного человека и его повседневных практик ситуация выглядит далекой от гуманизма и уважения к личности. Но это с точки зрения внешнего наблюдателя. Для самого Китая важно, как это видят сами китайцы. По-видимому, они находят достаточно средств (культурного и социального генезиса), чтобы устранять разрывы в практиках повседневности. Если бы этого не было и количество таких разрывов постоянно росло, мы имели бы ситуацию СС3.

Другой пример — СС2 в западных обществах. Там имели место именно такие колебания вокруг условных оптимальных 30% СН. От стабильного СС1 традиционного общества к современному состоянию СС2 конструктивной нестабильности эти общества шли через неоднократные колебания от свободы к социальной напряженности, от социальной напряженности к новому авторитаризму и т.д. Это заняло у них несколько веков. Увеличение свободы приводило к неуправляемости и росту СН, а это — к новой диктатуре, а потом — новая революция, переворот, война и т.д.

10.4. СС3 — общество деструктивной нестабильности. Масштабно-коллективные формы снятия СН

Колебания вокруг СС2 в большинстве западных обществ, о чем мы упоминали, завершая предыдущий параграф, происходили с периодическим попаданием этих обществ в зону СС3. Слова “революция”, “конфликт”, “война” являются синонимами СН в состоянии СС3 — деструктивной нестабильности. Посмотрим на это подробнее.

В этом состоянии социальная напряженность превышает 40%. Адаптивные возможности общества исчерпываются вместе с упованиями на конструктивное решение. Разрушенных практик сетевых взаимодействий, людей в состоянии габитуального кризиса тоже критически много. Есть все основания, чтобы протестные коллективные объединения приобретали не только локальный характер. Бунты, революции — это те массовые реакции, которые возможны при таком уровне СН.

Первичные факторы, приводящие к массовому разрушению ПСВ и критическому росту уровня СН, могут быть сами по себе очень разными — от природных катастроф, цунами, землетрясений до войн, властного деспотизма, провальных реформ, слабости власти и т.п. Здесь важно, что факторы действуют одновременно на большое количество людей и порождают эффект массового кризиса повседневности, и вместе с тем габитуальный кризис у большого количества членов общества.

Иногда эти факторы, на первый взгляд, вполне оправданны — например, общественные реформы. Но неудачное их проведение без учета тех эффектов, которые они оказывают на повседневность, из положительного явления превращает их в источники опасности социальной напряженности угрожающего уровня. Общим здесь для всех названных случаев является разрушение практик повседневности для большого количества людей. Причем разрушение не в одном каком-то аспекте, а по широкому их спектру, что приводит к кризису адаптивности габитуальных настроек.

Названные макрофакторы — лишь первый толчок к переходу системы в состояние СС3. В действительности на это состояние система выйдет, если не будет антиэнтропийных предохранителей. Иными словами — если в противовес росту СН не будут выставлены механизмы ее гашения в виде средств нормализации практик повседневности или по крайней мере надежды на такую нормализацию, объяснения людям, когда это произойдет и сколько нужно потерпеть. Надежда на улучшение, видение перспективы является существенным неэнтропийным фактором. Речь, собственно, идет о менеджменте СН, критически необходимом при таком состоянии общества.

Например, в случае общественных реформ опасность представляет ситуация, когда реформ много, они происходят одновременно и не сопровождаются мерами предосторожности, связанными с восстановлением разрушенных практик взаимодействий или хотя бы надеждой на подобное восстановление. Иными словами, когда реформаторы не думают о последствиях в формате практик повседневности, ПСВ. В таких случаях СН начинает быстро возрастать, ресурс доверия и надежды, работающий на погашение СН, исчерпывается.

Таким образом, на макроуровне мы можем назвать ряд факторов, детерминирующих рост СН до уровней, близких к критическим. Все они интегрируются в показатели СН, преломляясь сквозь призму практик повседневности, сетевых практик взаимодействия. Это, собственно, характерно и для предыдущих состояний общества — СС1 и СС2, но в состоянии СС3 действовавшие раньше механизмы преодоления СН уже не срабатывают. Уровень габитуального кризиса таков, что люди начинают усматривать выход в радикальных изменениях общественного порядка как такового. Возникают большие группы солидарности, которые действуют спонтанно и не обязательно в рамках закона и правил (прежнего порядка).

Это точка уже *системной социальной бифуркации*, которой присуща принципиальная непрогнозируемость будущего. Будущее становится вариативным, но критический уровень социальной напряженности в этом случае открывает лишь этот достаточно радикальный путь к ее снятию.

Здесь уместен следующий важный вопрос — почему при сходстве макрофакторов в разных обществах мы наблюдаем различные реакции — одни выходят на революции и протесты, а другие продолжают терпеть? Ведь уровень разрушения практик там не меньше?

И здесь опять нужно вернуться к микроуровню и подчеркнуть, что разорванные практики — лишь толчок. Реально СН начинается со спровоцированного таким образом ощущения разрыва с обществом, покинутости, маргинализации. В том случае, когда причина таких разрывов атрибутируется кому-то другому — враг, природа, бог и пр., протестов и революций происходить не будет. Более того, это может даже усиливать ощущение единства перед разрушительными факторами и тем самым уменьшать СН.

Часто данные моменты атрибуции являются одной из ключевых задач менеджмента СН.

11. Факторы СН

Как правило, считается, что вопрос факторов СН чуть ли не самый главный в этой теме. В предыдущих рассуждениях мы эту тему неоднократно за-

трагивали. Подведем краткий итог сказанному выше. Конечно, детальная проработка этого важного вопроса требует значительного углубления в проблему. И поскольку предложенное видение СН формирует соответствующий взгляд на факторы СН, мы должны представить определенные итоговые концептуальные выводы.

Вернемся к предложенному здесь комплексному многоуровневому (интегративному) видению СН. Это можно представить схематично (см. табл. 2).

Таблица 2

Многоуровневое видение СН

Уровень социальной реальности	Проявления социальной напряженности
Макроуровень – социальная система	СН = социальная энтропия = уровень неплотности социальной ткани
Мезоуровень – уровень практик сетевых взаимодействий	Появление разрывов в привычных практиках сетевых взаимодействий – основание появления СН = неплотности социальной ткани
Микроуровень – субъективное измерение	Габитуальный кризис как кризис индивидуальных настроенностей на привычные практики сетевых взаимодействий

Следуя этой схеме, можно утверждать:

С *макроуровневой* точки зрения, факторами изменения уровня СН (увеличения или уменьшения) является все то, что влияет на *плотность социальной* ткани.

На *мезоуровне* мы определили нарушение плотности социальной ткани как появление разрывов в практиках сетевых взаимодействий, нарушение их привычности и устойчивости. Это дает основания сказать – факторами увеличения СН на этом уровне является все *то, что разрушает привычные практики сетевых взаимодействий*, делает их недееспособными в плане удовлетворения тех или иных жизненных потребностей человека. Соответственно, уменьшать СН будет все то, что цементирует систему ПСВ, обеспечивает их надежность в плане удовлетворения определенных потребностей.

Повторю – сводить вопрос факторов изменения СН к факторам, разрушающим удовлетворение потребностей, нельзя. Напряженность вызывает не только момент неудовлетворенности потребностей, но и утраченная возможность удовлетворять их привычным образом посредством определенных сетевых взаимодействий. Последние относятся к комплексу стиля жизни, и, в определенной степени, можно утверждать, что разрушение стиля жизни становится основанием роста СН. Явления, которые этому способствуют, являются факторами СН.

Конкретизируя, можно выделить *два типа факторов роста СН*:

1. Факторы, *работающие на мезоуровне* и ведущие к разрушению практик сетевых взаимодействий. Их, в свою очередь, можно разделить на два ряда:

- а) *экзогенные*, имеющие истоки вне социальной системы, СН которой мы рассматриваем. Это может быть война, экологическая катастрофа, эпидемия, климатические изменения, масштабный экономический или финансовый кризис, санкции, наплыв мигрантов, неурожай, голод и т.п.;

- б) эндогенные, имеющие истоки внутри данной системы, — внутренние конфликты, гражданская война, внутренний экономический кризис, политическая нестабильность, смена руководства, некомпетентность управления на всех уровнях общества, неудачные реформы в различных социальных полях и т.п.

Все названное становится фактором СН в масштабе всего общества лишь в том случае, когда оно нарушает систему ПСВ для большинства членов общества. Если эти нарушения касаются лишь отдельных регионов, то можно говорить о локальном росте СН. Если речь идет об отдельных социальных группах, то о локальной СН на уровне этих групп.

2. Факторы-фильтры, работающие при переходе СН с мезоуровня на микроуровень.

Как сказано выше, нарушенные практики сетевых взаимодействий являются лишь предпосылкой выхода СН на уровень социальных чувств и эмоций, отталкиваясь от которых человек направляет свои действия на ликвидацию тех разрывов социальной ткани, которые образовались вокруг него.

Этот переход “нарушенные практики — эмоциональные состояния” имеет свои *факторы-фильтры*, способные влиять на палитру возникающих здесь эмоций. К факторам второго рода относится все, что влияет на сформированную субъективную модель ситуации. Это и те культурные контуры, в которых человек вырос и сформировался, — региональная, этническая, политическая мифология и идеология. Это те интерпретации ситуаций, которые предлагают авторитетные источники интерпретаций — родственники, соседи, знакомые, СМИ и т.п.

То есть можно утверждать — именно сочетание этих *двух систем факторов* в каждом случае дает тот уровень СН, который воплощается в соответствующее социальное поведение. Последнее зависит от того, каким именно окажется в итоге уровень СН.

12. Прагматика менеджмента СН.

Фазовые переходы — неоднозначность (табл. 1, строка 6)

12.1. Направления фазовых переходов — варианты

Отдельно нужно прокомментировать информацию, содержащуюся в последней строке приведенной таблицы. Говоря о трех общественных состояниях, мы подчеркиваем их качественное различие, соответствующее указанным диапазонам значений: 1) СС1, СН до 20% — стабильность; 2) СС2, СН 20–40% — конструктивно-адаптивная нестабильность; 3) СС3, СН выше 40% — деструктивная нестабильность.

Поскольку *парадигма сложности* в определенной мере является синонимом *парадигмы нелинейности*, то переход от одного качества общественного порядка к другому не происходит линейно. Это то, что называют фазовыми переходами. Они происходят достаточно быстро, неожиданно и непрогнозируемо как для участников, так и для внешних наблюдателей. Крайне важно лишний раз подчеркнуть, что эти переходы являются переходами в иное качество общественного порядка.

Хотя в таблице 1 состояния СС1, СС2 и СС3 выстроены именно в такой последовательности, переход может не быть таким же постепенным и линейным. В реальности возможны разные варианты фазовых переключений:

CC1 => CC2;
CC1 => CC3;
CC2 => CC3;
CC3 => CC1;
CC3 => CC2.

Посмотрим подробнее, в каких случаях это происходит. При этом будем уделять внимание проблеме *менеджмента СН* в моменты этих переходов. Поскольку каждый менеджмент — это целенаправленное действие, то при выборе условной цели мы будем считать наилучшим для общества вывести его в конструктивно-адаптивное состояние или удержать в нем (у нас это обозначено как состояние CC2). Но, разумеется, условный менеджер может иметь иную цель. Неуспех ее реализации часто обусловлен тем, что в системе имеются свои закономерности и своя активность. Менеджмент, который этого не учитывает, будет наталкиваться на это системное сопротивление.

12.2. CC1 => CC2. Суть менеджмента СН в направлении CC2 — добавить свободы, но при постоянном мониторинге ПСВ

Вариант перехода от стабильности CC1 — малоподвижной, неадаптивной, тормозящей прогресс — к CC2 — конструктивной нестабильности, наличию достаточного количества свобод.

Это вариант, который мы разобрали выше на примере Китая (от тоталитаризма к современному прогрессу). Существенным здесь является управленческое торможение наращивания энтропии — напряженности. Постепенное “отпускание” свобод, постепенные реформы, постепенная трансформация практик повседневности, когда существующие авторитарные методы направляются именно в эту сторону. Случай Сингапура, Ли Куань Ю, который у нас часто приводят, — это тоже пример из этого ряда. Это те редчайшие варианты, когда авторитарная власть находит ресурсы для очень постепенной, пошаговой трансформации страны в сторону поступательного увеличения свободы, а не усиления авторитаризма.

Но этот переход очень трудный и требует именно того менеджмента, который учитывает необходимость уравнивать энтропийные и неэнтропийные процессы, свободу и СН. Парадоксальной и не всегда морально одобряемой оказывается постепенность с предоставлением свобод, имеющая место в этом случае.

12.3. CC1 => CC3. Результат неадекватного менеджмента от CC1 к CC2, отсутствие действенных механизмов предотвращения разрушения ПСВ и соответствующий быстрый рост СН

Почему от CC1 (малоадаптивная стабильность) очень трудно перейти к CC2 (конструктивно-адаптивная нестабильность) и зачастую этот переход идет по линии CC1 — CC3? Здесь я просто приведу пример из ФБ-поста одного российского блогера (обозначу как *Б1*), где он цитирует другого блогера (обозначу *Б2*). Россию берем в качестве примера, ведь до недавнего времени 85-процентная поддержка населением действующего порядка как раз и указывала на то, что речь идет о ситуации стабильности именно типа CC1.

В указанных блогерских сообщениях речь шла о катастрофической экологической ситуации в *городе В*, неподалеку от столицы России. Пост *Б2* со-

держит описание этой ситуации — разрушение практик повседневности, связанных со здоровьем и даже выживанием как таковым.

Б2: “Жить здесь действительно стало невозможно, и даже дело не в ужасающем запахе, а в каких-то невероятных головных болях, которые не проходят у меня больше месяца. И бесполезно прятаться в квартирах, сероводород и прочие соединения проникают в них беспрепятственно. Интоксикация нарастает, и просто существовать — превратилось в очень сложную задачу”.

Далее **Б2** обсуждает варианты выхода.

Прежде всего — *биографический*.

Б2: “Могу лишь посоветовать купить очищающие воздух фильтры, если финансы позволяют, и пить сорбенты, “Энтеросгель” или “Полисорб”. Потому как бежать нам отсюда все равно некуда, сколько это продлится, непонятно, а выживать как-то надо”.

Обсуждается и вариант *коллективных солидарных действий*, свойственных **СС2** и эффективных в этих условиях.

Б2: “Митинги — это, конечно, прекрасно, но, по-моему, нам, жителям этого города, надо идти в суд и подавать совместный иск о причинении вреда здоровью по халатности наших властей, и идти в этом вопросе до конца”.

Но не похоже, что есть надежда на эффективность таких средств в сложившейся ситуации. Есть сомнения, что удастся выиграть суд, осудить виновных и тем самым положить конец этому ужасу не только в своем городе, но и вообще. И далее блогер предупреждает, что это вскоре станет проблемой и для других городов.

Б2: “И не думайте, что это проблема лишь моего города, в ваши города это тоже скоро все придёт. Проблема куда ближе, чем вы можете себе представить”.

Через некоторое время, после стены молчания со стороны многих СМИ и отказа замечать проблему со стороны властей, крик отчаяния.

Б2: “Мы чувствуем себя здесь бесправными скотами, избиваемыми по велению царя-батюшки. Это вообще невысказуемо. Но тут никто не сдастся. Город В. в своё время пережил монголо-татар, литовцев, шведов и прочую шушеру, так что и этих мудаков, которые нас так старательно пытаются свести в могилу, — мы тоже переживём”.

И вот в том случае, когда такое разрушение повседневности станет массовым, должен произойти внезапный переход в состояние **СС3** — разрушительного уровня **СН**, после чего все становится непредсказуемым. Констатация приближения такого состояния содержится в комментариях другого блогера — **Б1** (обществоведа по профессии).

Б1: “Вот на таком происходит слом всей господствующей, извините, модели: действующая власть становится врагом всего живого, и все живое — ее враг. Будь это далеко от Москвы, никто бы и не стал замечать. Но это недалеко”.

Важен тот факт, что **СН** возрастает уже не в локальных, отдаленных от столицы местах, а в непосредственной близости. Социальная ткань разрушается не на периферии, а в центре страны. Но менеджмент **СН** не видит этих системных рисков. “Ремонт” ПСВ, которые при этом разрушаются, в технологиях этого менеджмента не предусмотрен.

12.4. СС2 => СС3. Неадекватный менеджмент СН по удержанию в СС2, отсутствие мониторинга разрушения ПСВ и роста СН

Почему я выбрала в качестве примера, приведенного выше, соседнюю страну, а не Украину, где подобные ситуации, вероятнее всего, также имеют место? По крайней мере протесты, похожие на мусорные, имеют все основания для возникновения. Однако я намереваюсь продемонстрировать типичность внезапного перехода из состояния СС1 в СС3. Путь от СС1 к СС2 осложняется тем, что мы видим разрушенными практики и судопроизводства, и переговоров, и согласований и т.п. Украина же находится сейчас в состоянии СС2, хотя с большим приближением к СС3. Но у нас еще есть возможность обращаться в суды и иногда их выигрывать, порой даже в европейские суды. Власть реагирует если не на обращения, то на массовые протесты. Опыт майданов, наличие пассионариев, прошедших войну, заставляют местную власть идти на компромиссы с людьми. То есть использовать механизмы уменьшения напряженности, присущие СС2, хотя уже в более сложном и многоэтапном варианте.

Но уровень СН в этом состоянии в случае его предельного роста тоже легко может перевести страну в СС3. Наши предыдущие майданы были примерами именно таких переходов.

12.5. СС3 => СС1. Результат жесткого менеджмента по уменьшению СН путем резкого уменьшения свободы

Поскольку состояние СС3 является состоянием макросистемного бифуркационного взрыва и, соответственно, непрогнозируемости дальнейших событий, то переход к авторитарному обществу типа СС1 (тоталитарному, нефеодалному и т.п.) весьма вероятен. Примеры можно найти во многих постсоветских странах. Украина тоже постоянно колеблется на этой грани после неоднократного прохождения точки бифуркации на отметке СС3 (распад Советского Союза, три майдана-революции), хотя желателен переход к СС2, который мы часто обозначаем как путь модернизации.

12.6. СС3 => СС2. Филигранный менеджмент выхода на равновесие между СН и свободой

Этот переход после революционных сломов оптимальный, открывающий обществу путь к развитию и эволюции. Ведь в идеале революции, протесты, бунты, сопровождающие состояние СС3, ради этого перехода и происходят. Но, как известно, очень редко этой цели удается-таки потом достичь. Почему?

Собственно, здесь мы имеем менеджерскую задачу, противоположную той, что связана с переходом СС1 — СС2. Противоположную — в понимании тактических задач, стоящих перед воображаемым менеджером. Стратегической целью при этом в каждом случае является СС2. Но в переходе СС1 => СС2 тактика работы с практиками повседневности заключалась в том, чтобы придавать все больше свободы и вариативности постепенно, осторожно уменьшая плотность социальной ткани до желаемых условных 30%. В случае же перехода от СС3 к СС2 задача состоит в том, чтобы эти свободы (которые теперь выглядят как хаос и неопределенность) постепенно уменьшать (уплотняя социальную ткань от условных 40% к опять-таки условным 30%).

Менеджмент управляемого выхода из кризиса общества СС3 действительно должен быть филигранным, поскольку поле сокращения вариативности практик широкое и касается различных социальных институтов и сложившихся там практик сетевых взаимодействий — часто за рамками официальных порядков.

Коррупция, представляющая ныне проблему для многих стран, в этом случае требует нашего отдельного теоретического внимания и объяснения. Борьба с коррупцией на пути перехода от СС3 к СС2 становится настоящей проблемой. Но посмотрим на анатомию этого явления в рамках предложенной схемы.

Коррупционные ПСВ, ОПГ возникают как один из вариантов адаптивного приспособления на этапе быстрого перехода от СС1 к СС2 путем масштабной либерализации. Свободы в ПСВ быстро перерастают в неопределенность и СН. Коррупционные и преступные практики, как ни парадоксально это звучит, являются закономерным системным реагированием на такой рост СН. Это локальные солидарности, возникающие в таких условиях, новые сетевые взаимодействия, в которые вовлекается все большая часть общества. ПСВ, которые этому соответствуют, надежные, привычные, распространенные и, в то же время, парадоксальные по своему системному влиянию. Они приводят к разрушению многих других привычных практик, увеличивая СН, а выглядят как не имеющие альтернативы и прочно удерживают большинство людей в своих сетях.

При формировании менеджерских решений в этом плане нужно учитывать следующее. В эти сетевые практики вовлечено практически все общество, они позволяют решать множество проблем, связанных с разными потребностями. И разрушить их можно, лишь предложив действенную сетевую альтернативу и тщательно разработав технологии перехода от одних ПСВ к другим.

Успешным такой менеджмент будет лишь тогда, когда сможет разорвать эту парадоксальность. А для этого он всегда должен держать в фокусе внимания не абстрактные законы и предписания, а именно то, что происходит на поле ПСВ.

Ярким примером служит ситуация, наблюдавшаяся в Киеве где-то в 60-е годы прошлого века. Она не касается непосредственно коррупции, но является моделью адекватной менеджерской реакции на массовое нарушение закона.

Ситуация простая, но это лишь придает ей наглядности. Речь идет о нарушениях правил дорожного движения, которые тогда совершали практически все пешеходы. На светофоры, стоявшие на перекрестках, никто не обращал внимания и перебегал дорогу, как бог на душу положит. То есть нарушение закона было привычным и массовым. Сетевые практики, в которых решалась проблема перехода улицы и в которые были вовлечены пешеходы, водители, светофоры, дороги, милиция, были именно таковы. Поскольку на светофоры никто не обращал внимания, водители об этом знали и тоже не очень-то на них смотрели. Милиция закрывала на это глаза, да и вообще не работала на перекрестках. Но в один момент было принято менеджерское решение прекратить это массовое нарушение закона. Буквально возле каждого светофора поставили инспектора. Людей штрафовали, даже если они шли на красный свет при отсутствии автомобилей, и здесь же указывали на альтернативу рас-

пространенным практикам — действенную и при этом законную. Постепенно ПСВ изменились. Это достигалось не простым наказанием, а стимулирующей образований новых сетевых связей. Времени понадобилось не слишком много — через месяц-другой все научились смотреть на светофоры.

На этом примере можно продемонстрировать большую объяснительную эффективность сетевого подхода по сравнению с теорией рационального выбора (см. 8.4.3). Сторонники последней сказали бы, что в первом случае человек действовал рационально, оптимизируя свои временные затраты и переходя дорогу тогда, когда это возможно, а не дожидаясь зеленого сигнала светофора. С появлением фактора штрафа более рациональным стало обращать внимание на знаки светофора. Но эта теория не объясняет, почему много лет спустя люди продолжают обращать внимание на светофор, хотя о штрафах все давно забыли, милиция превратилась в полицию, а у инспекторов есть другие проблемы, кроме пешеходов на светофорах. Но в рамках сетевых практик все объясняется гораздо лучше — это вошло в новый габитуальный комплекс. И если здесь и срабатывает оптимальность, то именно на этом дорефлективном уровне. Однако сознательного рационального выбора здесь немного.

Возвращаясь к ситуации с коррупцией, можно констатировать — никакие суды ей не страшны. Радость от ареста крупного коррупционера никоим образом не изменит те ПСВ коррупционного типа, в которые вовлечен сам человек. У людей есть жизненные проблемы, и если оптимальное решение этих проблем — дать взятку, в большинстве случаев они именно так и будут поступать. Аналог с перекрестком и привычное решение проблемы перехода дороги — просто перебежать, не дожидаясь зеленого света. Но инспектор разрывает эти практики, поскольку ведет себя не в соответствии с правилами предыдущих взаимодействий. Постепенно образуются новые ПСВ, где линия инспектор — пешеход уже выглядит иначе. Важно, что эти сети оказываются действенными, и человеку помогли в этом убедиться и приучиться к этому. Показать другие варианты решения проблемы в случае с коррупцией — задача адекватного менеджмента. Причем не просто рассказать об этом по ТВ, а показать практически, научить людей этим практикам, сделать их привычными. Разумеется, нужны запреты коррупционных действий, но они станут эффективными лишь в комплексе с перенастройкой повседневных практик. Технологические подробности этих менеджерских действий и представляют собой искусство менеджмента в фазовом переходе СС3 => СС2.

13. Микродетерминизм — где его проявления?

Здесь логичным является вопрос — где в этой модели место для микродетерминизма, который, учитывая интегративные обещания, должен был бы действовать наряду с макрофакторами? Последним уделено немало внимания, но на микроуровне все выглядит так, будто человек является лишь реципиентом макровыявлений и пассивным проводником макроуровневых социальных закономерностей. Так ли это?

Формат субъектности отдельных членов общества здесь имеет интересные особенности.

С одной стороны, можно утверждать, что в большинстве случаев человек действует под влиянием тех переживаний и эмоций, которые возникают на

фоне габитуального кризиса. А последний, в том аспекте, который мы здесь рассматривали, является продуктом общественных макрофакторов, приведших к нарушению в ПСВ. Попытки ликвидировать эту напряженность толкают человека к снятию кризиса — биографическим путем или через присоединение к группе единомышленников. Эти действия в определенной мере спонтанны и направляются соответствующими переживаниями и эмоциями. Их нельзя назвать вполне субъектными в плане влияния на социальные изменения, поскольку на общую картину общественных процессов они влияют лишь как составная часть массовых действий. Протесты и демонстрации, если они уже возникли вследствие системных факторов, будут продолжаться независимо от того, присоединится к ним конкретный человек или нет.

Но есть и другая сторона этих событий — протесты, бунты, революции имеют начальную точку, когда людям еще не к чему присоединяться. И именно здесь есть место *микродетерминизму*. С одной стороны, системные события и закономерности указывают на их неотвратимость в случае высокого уровня СН, с другой стороны, те же системные закономерности говорят о вариативности событий. Иными словами, протесты, революции, бунты могут быть разными по характеру, иногда вплоть до абсолютно противоположных вариантов. И вот на то, какой именно вариант развития событий из всех возможных (а их бывает не так много) актуализируется, существенное влияние оказывают отдельные личности, лидеры, агенты изменений. (Скажем, в исторической ретроспективе можно сказать, что распад СССР был закономерным макропроцессом, но тот формат, по которому развивались события в странах, образовавшихся на его месте, свидетельствует о том, что существовали различные варианты. И то, какой именно вариант реализовался, во многом определял лидер, оказавшийся во главе страны.)

Инициировать протесты, организовать первые группы активности, добиться того, чтобы именно к твоему варианту протестной активности добровольно и массово присоединились люди, — это реальное проявление индивидуального влияния на ход изменения социального порядка. Ведь рядом могут появляться альтернативные группы, пытаясь реализовать конкурентный сценарий. Энергия, харизма, интеллект, лидерские качества отдельной личности здесь действительно могут оказаться судьбоносными для общественных изменений. Наличие финансового и экономического ресурса, о котором часто можно в таких случаях услышать, не стоит преувеличивать. В таких случаях мотивация присоединения людей к протестам лежит не в экономической плоскости, она генерируется теми эмоциями и переживаниями, которые порождает кризис повседневности, и требует снятия этих переживаний.

Но и для остальных членов общества все это не выглядит как полная бессубъектность, опять-таки в силу вариативности возможных путей выхода из ситуации высокой социальной напряженности. Не будучи инициатором направлений активности, они все равно имеют рычаги влияния на общественные процессы через выбор между вариантами, появляющимися на социальной арене, и присоединение к тем или другим вариантам. Здесь не имеет значения, какой формат присоединения будет актуальным — разрешение кризиса через процедуру выборов или в формате протестных акций (Майдан, Антимайдан). Нейтральная позиция неприсоединения тоже является вариантом выбора и формой проявления субъектности (вспомним судьбоносность для Украины голосов “против всех”, которые были отданы

на выборах президента страны в 2010-м). Но, разумеется, степень этой субъектности значительно меньше, и судьбоносной для страны это может стать случайно — например, если для принятия какого-либо решения нужно 50% + 1 голос и чей-то конкретный голос окажется этим “+ 1”.

Таким образом, можно утверждать, что микродетерминизм не разлит равномерно по всему социальному пространству, он точечный, но вариативность социальных траекторий после прохождения кризисных моментов в социальной динамике делает его очень существенным фактором наряду с факторами системного характера, о которых уже сказано немало.

Интегративный эффект предлагаемого теоретического взгляда состоит во взаимной связанности и зависимости макро- и микрофакторов в их влиянии на изменения социального порядка. Макрофакторы двигают систему по линии переходов СС1 — СС2 — СС3, а микрофакторы оказываются решающими в моменте выбора того варианта общественной истории, который актуализируется в точках фазовых переходов и ситуациях вариативности будущего, возникающих на границе каждого фазового перехода.

Выводы

1. Основу актуализации проблемы поиска интегративного определения СН составляют:

- 1) размытость поля присутствующих в социологическом дискурсе дефиниций этого важного социального явления;
- 2) наличие многих понятий-спутников (конфликт, война, борьба, протест, сопротивление, аномия и т.п.) с неопределенным статусом в отношении СН;
- 3) неопределенность с пониманием того, как связаны между собой проявления СН на макро-, мезо- и микроуровне социальной реальности и каким образом это можно объединить в одной концептуальной схеме.

2. На методологической почве парадигмы сложности (complexity theory), практической парадигмы (П.Бурдые), используя сетевой подход Б.Латура и метафору “социальной ткани”, содержащуюся в работах Г.Зиммеля и М.Арчер, можно предложить понятийный каркас, на основании которого решать поставленные задачи.

<i>Методологическая основа</i>	<i>Главные заимствованные понятия и предложенные концепты</i>
Парадигма сложности (complexity theory)	Системная (социальная) энтропия, бифуркация, фазовые системные переходы
Практическая парадигма П.Бурдые	Структуры (мягкие самоорганизационные социальные структурированности), габитус, практики, габитуальная динамика, габитуальный кризис
Сетевая теория Б.Латура	Практики сетевых взаимодействий (люди, вещи)
Г.Зиммель, М.Арчер	Концепт “социальная ткань”

3. Системные положения парадигмы сложности дают возможность логически объединить предложенный понятийный комплекс в концептуальной схеме, представляющей собой трехфазовую модель социальных изменений, где социальная напряженность выступает главным параметром фа-

зовых переходов между качественно отличными состояниями общества (см. табл. 3).

Такой шаг становится возможным благодаря обоснованному отождествлению СН с социальной энтропией, адекватным пониманием которой в данном случае оказалось ее понимание как меры неплотности социальной ткани.

Основные присутствующие в этой модели социальные положения, связанные с уровнем СН, качественно отличные. Кратко их можно охарактеризовать так: 1) стабильность; 2) конструктивно-адаптивная нестабильность; 3) деструктивная нестабильность. В статье показано, что определенная таким образом СН не является сугубо негативным явлением, и ее определенный уровень необходим для успешной общественной поступи и ответов на вызовы эндогенного или экзогенного характера.

Таблица 3

Фазовые переходы между качественно отличными состояниями общества

<i>Фазы общественного состояния</i>	<i>Фаза 1</i>	<i>Фаза 2</i>	<i>Фаза 3</i>
Условный уровень СН: 0% – минимальная, 100% – максимальная	0–20%. Низкая СН	20% – 35–40%. Оптимальная СН	Свыше 35–40%. Критичная СН
Качество общественно-го состояния	Стабильность	Конструктивно-адаптивная нестабильность, коридор возможности эволюционного развития	Деструктивная нестабильность, системная бифуркация, революционные предпосылки

4. В рамках предложенной модели социальная напряженность получает трактовку на каждом из уровней социальной реальности (макро, мезо, микро). Благодаря выбранному ряду понятий эти трактовки логически связаны, образуя единое многоуровневое комплексное (интегративное) понимание СН.

Таблица 4

Интегративное видение СН

<i>Уровень социальной реальности</i>	<i>Проявления социальной напряженности</i>
Макроуровень, социальная система	СН = социальная энтропия = уровень неплотности социальной ткани
Мезоуровень – уровень практик сетевых взаимодействий	Появление разрывов в привычных практиках сетевых взаимодействий как почвы появления СН = неплотности социальной ткани
Микроуровень, субъективное измерение	Габитуальный кризис как кризис индивидуальных настроенностей на привычные практики сетевых взаимодействий

5. Можно констатировать важный механизм действия СН: на мезоуровне социальной реальности социальная напряженность выглядит как появление разрывов в практиках сетевых взаимодействий, возникающих в разных социальных полях под действием различных факторов. Разрушение привычного, устойчивого в этих практических рисунках ведет к уменьшению плотности социальной ткани на макроуровне и к габитуальному кризису на микроуровне. Круг микро-макро замыкается благодаря переходу габиту-

туального кризиса в широкую палитру переживаний и эмоциональных состояний субъектов социального поведения и, соответственно, поведенческих проявлений, возникающих на социальной поверхности в виде системной реакции на СН, формирующейся таким образом.

6. Палитра эмоциональных состояний является ключевым микроуровневым моментом в генезисе дальнейших макроуровневых событий. Ее истоками являются переживания общественной не востребованности, исключенности, разорванности общественных связей, свойственные человеку вследствие обрывов в привычных сетевых связях. Эта эмоциональная палитра имеет две существенных составляющих:

- 1) чувства и эмоции, которые отвечают ощущению разрыва окружающей социальной ткани, нарушению вписанности в социальное целое (раздражение, злость, страх, отчаяние, негодование, недоверие, безнадёжность, незащитность, ненужность, фрустрация, стресс и т.п.);
- 2) чувства и эмоции, направляющие вектор движения к исправлению ситуации. Человек действует в том направлении, где к нему вернутся надежда, покой, уверенность, ощущение защищенности, востребованности, доверие, ощущение вписанности в социальное окружение или в общество как таковое.

Эти теоретические выводы важны для поиска эмпирических референтов социальной напряженности, обоснования важности для этого эмоциональной составляющей.

7. Доминирующая поведенческая реакция на рост СН и доминирующий способ выхода из ситуации в каждой из выделенных общественных фаз будут разными, что объясняется тем, какое количество членов социума будет находиться в точках разрывов социальной ткани из-за нарушения привычных ПСВ.

Таблица 5

**Доминирующие поведенческие реакции
в разных фазах общественного состояния**

Фаза общественного состояния	Фаза 1	Фаза 2	Фаза 3
Условный уровень СН, уровень неплотности социальной ткани	0–20%	20% – 35–40%	Свыше 35–40%
Доминирующая поведенческая реакция на рост СН, способ выхода	Индивидуальный, биографический	Локальные солидарности, локальные протесты, конструктивный конфликт	Масштабные солидарности, масштабные протесты, деструктивный конфликт

8. Парадигма сложности, на основе которой был построен каркас концептуальной схемы, в определенной степени является синонимом *парадигмы нелинейности*, которая в данном случае означает, что переход общества от одной качественной фазы к другой не происходит линейно и постепенно. **Фазовые переходы** отличаются тем, что осуществляются достаточно быстро, неожиданно и непрогнозируемо как для самих участников, так и для внешних наблюдателей.

При этом теоретически и практически возможны переходы по всем возможным сценарным линиям:

Фаза 1 => Фаза 2

Фаза 1 => Фаза 3

Фаза 2 => Фаза 3

Фаза 3 => Фаза 1

Фаза 3 => Фаза 2

9. Прагматические выводы из этой модели касаются менеджмента СН и состоят в акцентировании тесной зависимости сценариев фазового перехода от выбранных при этом управленческих технологий.

Менеджмент СН, согласно сказанному, должен опираться прежде всего на мониторинг динамики изменений в практиках сетевых взаимодействий, являющихся ключевым звеном в процессе роста/уменьшения СН. Этой составляющей в менеджерских технологиях следует уделять гораздо больше внимания. Эффективные регулятивные действия при этом могут направляться как на непосредственные факторы изменения форматов ПСВ (экзогенные и эндогенные), так и на факторы, влияющие на ту палитру переживаний и эмоций, которые становятся ответом на разрушение привычных ПСВ в субъективном пространстве человека. Поскольку последние служат основой побуждений к поведенческим проявлениям СН, их мониторинг и адекватная регуляция являются еще одним важным и недостаточно разработанным звеном менеджмента СН.

Источники

- Арчер, М. (1994). Реализм и морфогенез. *Социологический журнал*, 4, 50–68.
- Аршинов, В., Буданов, В. (2017). Системы и сети в контексте парадигмы сложности. *Вопросы философии*, 1, 50–62.
- Ахиезер, А. (1994). Социокультурное прогнозирование России на макро- и микроуровнях. *Политические исследования*, 6, 24–27.
- Ахиезер, А. (1995). Дезорганизация как категория общественной науки. *Общественные науки и современность*, 6, 42–52.
- Ахиезер, А., Гольц, Г. (1992). Критические пороги социальных систем. *Общественные науки и современность*, 1, 45–56.
- Бакиров, В. (1993). Социальное познание на пороге постиндустриального мира. *Общественные науки и современность*, 1, 68–78.
- Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. Санкт-Петербург: Питер.
- Бевзенко, Л. (2002). Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. Киев: Институт социологии Национальной академии наук Украины.
- Бевзенко, Л. (2008). *Стили жизни переходного общества*. Киев: Институт социологии НАН Украины.
- Бевзенко, Л. (2015). Солідаристські прояви в Україні, пов'язані з активним волонтерським рухом. *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*, 21, 134–142.
- Бевзенко, Л. (2016). Понятие социальной энтропии в синергетическом дискурсе социального порядка. *Соціальні виміри суспільства*, 7 (18), 204–218.
- Бевзенко, Л. (2017а). Концептуалізація соціальної напруженості в парадигмі складності – системність і мережеві практики. Матеріали XIV Міжнародної наукової конфе-

ренції “Проблеми розвитку соціологічної теорії: структурні зміни та соціальна напруженість”, Київ, 25–26 травня 2017 р. (сс. 22–25). Київ: Логос.

Бевзенко, Л. (2017b). Мережеві практики як медіатор мікро- та макрорівнів соціальної напруженості. *Соціальні виміри суспільства*, 9 (20), 285–297.

Бевзенко, Л. (2017c). Соціальна напруженість як соціальна ентропія — особливості смислових акцентів. Нові нерівності — нові конфлікти: шляхи подолання. Тези доповідей та виступів учасників III Конгресу Соціологічної асоціації України, Харків, 12–13 жовтня 2017 р. (сс. 43–45). Харків: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна.

Бек, У. (2000). *Общество риска. На пути к другому модерну*. Москва: Прогресс-Традиция.

Бек, У. (2001). *Что такое глобализация?* Москва: Прогресс-Традиция.

Белай, С. (2012). Дослідження соціальної напруженості як передумови виникнення кризових явищ. *Теорія та практика державного управління*, 3 (38), 27–34.

Бурдье, П. (1998). Структура, габитус, практика. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1 (2), 40–58.

Бурдье, П. (2001). *Практический смысл*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Бурдье, П. (2005). *Социальное пространство: поля и практики*. Санкт-Петербург: Алетейя; Москва: Институт экспериментальной социологии.

Вахштайн, В. (2005). Возвращение материального. “Пространства”, “сети”, “потoki” в акторно-сетевой теории. *Социологическое обозрение*, 4 (1), 94–115.

Волков, В., Хархордин, О. (2008). *Теория практик*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Гидденс, Э. (1994). Судьба, риск и безопасность. *THESIS*, 6, 40–102.

Гидденс, Э. (2004). *Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. Москва: Весь Мир.

Головаха, Е., Панина, Н. (1999). Потенциал протестности украинского общества. *Социологические исследования*, 10, 31–40.

Головаха, Е., Панина, Н., Горбачик, А. (1998). Измерение социального самочувствия: тест ИИСС. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М)*, 10, 48–51.

Григас, Р. (2004). Контуры социологической концепции полей социальных напряженностей. *Социологические исследования*, 4, 29–34.

Давыдов, А. (1988). Существует ли мера социальной гармонии? *Социологические исследования*, 5, 72–74.

Давыдов, А., Давыдова, Е. (1992). *Измерение социальной напряженности*. Москва: Институт социологии Российской академии наук.

Дарендорф, Р. (1994). Элементы теории социального конфликта. *Социологические исследования*, 5, 87–93.

Добронравова, И. (1990). Синергетика: становление нелинейного мышления. Киев: Лыбидь.

Добронравова, И., Финкель, Л. (2005). Динамический хаос в социуме как среда социальной самоорганизации. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 1, 168–180.

Дюркгейм, Э. (1994). *Самоубийство: Социологический этюд*. Москва: Мысль.

Заякина, Р., Ромм, М. (2017). Сетевой подход: между топологиями пространства и формы. *Социологическое обозрение*, 16 (2), 163–179.

Зиммель, Г. (1996). *Избранное* в 2-х тт.; Т. 2: Созерцание жизни. Москва: Юристъ.

Злобіна, О. (2014). Емоційна складова суспільних перетворень (на прикладі становлення Майдану). *Соціальні виміри суспільства*, 6 (17), 314–326.

Злобіна, О. (2015). Після Майдану: як відроджується баланс панування та спротиву. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції “Держава та глобальні со-

ціальні зміни: історична соціологія панування та спротиву в епоху модерну”, Київ, 26–27 листопада 2015 р. (сс. 23–27). Київ: Талком.

Злобіна, О. (2016). Соціальні трансформації в емоційному вимірі: від методологічних питань до методичних рішень. Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія “Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи”, 36, 28–35.

Злобіна, О. (2017а). Соціальна напруженість в умовах суспільних трансформацій: нові підходи до інтерпретації емпіричних даних. *Соціальні виміри суспільства*, 8 (19), 214–230.

Злобіна, О. (2017б). Ланцюги розчарувань: сучасні тренди емоційних трансформацій в українському суспільстві. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 4, 37–52.

Злобіна, О., Тихонович, В. (1996). *Особистість сьогодні: адаптація до суспільної нестабільності*. Київ: Інститут соціології НАН України.

Кастельс, М. (2001). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Москва: Государственный университет “Высшая школа экономики”.

Князева, Е. (2013). Сложное мышление: Э. Морен, Ф. Варела, К. Майнцер. В Л. Богатая (Ред.), *Философия мышления* (сс. 17–39). Одесса: Печатный дом.

Князева, Е., Курдюмов, С. (1992). Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным. *Вопросы философии*, 12, 3–20.

Кочубей, Н. (2012). Сеть как пространство постнеклассических практик. В В. И. Аршинов, О. Н. Астафьева (Ред.), *Постнеклассические практики: опыт концептуализации* (сс. 447–456). Санкт-Петербург: Мирь.

Кузьмін, М. (1994). Самоорганізація та соціоеволюція. *Філософська і соціологічна думка*, 9–10, 99–133.

Култыгин, В. (2004). Теория рационального выбора — возникновение и современное состояние. *Социологические исследования*, 1, 27–36.

Куценко, О. (2000). Социальные изменения и трансформации сквозь призму синергетического подхода. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія “Соціологія”*, 492, 38–48.

Куценко, О. (2001). Теоретическая модель самоорганизации в понимании социальной трансформации. В М. Шульга (Ред.), *Проблемы розвитку соціологічної теорії. Наукові доповіді і повідомлення I Всеукраїнської соціологічної конференції Соціологічної асоціації України* (сс. 76–81). Київ: Інститут соціології НАН України.

Куценко, О. (2002). Становление социальных классов как проявление самоорганизационных процессов в обществе. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 122–132.

Латур, Б. (2006). Где недостающая масса? Социология одной двери. В В. Вахштайн (Ред.), *Социология вещей (сборник статей)* (сс. 199–223). Москва: Территория будущего.

Латур, Б. (2007). Об интеробъективности. *Социологическое обозрение*, 6 (2), 79–96.

Латур, Б. (2014). *Пересборка социальности: введение в акторно-сетевую теорию*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.

Луман, Н. (1994). Понятие риска. *THESIS*, 5, 135–160.

Майнцер, К. (2000). Сложность и самоорганизация: Возникновение новой науки и культуры на рубеже веков. В В. И. Аршинов, В. Г. Буданов, В. Э. Войцехович (Ред.), *Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов* (сс. 59–79). Москва: Прогресс-Традиция.

Матвейчев, О. (2018). Римский клуб, юбилейный доклад. Вердикт: “Старый Мир обречен. Новый Мир неизбежен!” *LiveJournal*. Отримано з <https://matveychev-oleg.livejournal.com/6653054.html>.

Матурана, У., Варела, Ф. (2001). *Древо познания: биологические корни человеческого понимания*. Москва: Прогресс-Традиция.

Медушевская, О. (2010). Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии. *Социологические исследования*, 11, 63–73.

Мертон, Р. (1966). Социальная структура и аномия. В М. Вольфганг (Ред.), *Социология преступности. Современные буржуазные теории* (с. 299–313). Москва: Прогресс.

Небоженко, В. (1994). Соціальна напруженість і конфлікти в українському суспільстві. Київ: Абрис.

Нестерова, М. (2015). *Когнитивистика: истоки, вызовы, перспективы*. Сумы: Университетская книга.

Осипова, Е. (2016). Трансформация повседневных практик в современном российском обществе: концептуализации в контексте теорий “кризисного сознания” (Дис. ... канд. соц. наук). Москва: Российский университет дружбы народов. Отримано з <http://www.dslib.net/teoria-sociologii/transformacija-povsednevnyh-praktik-v-sovremennom-rossijskom-obwestve.html>.

Паніотто, В. (2017). Чинники щастя та соціальна напруженість. Матеріали XIV Міжнародної наукової конференції “Проблеми розвитку соціологічної теорії: структурні зміни та соціальна напруженість”, Київ, 25–26 травня 2017 р. (с. 10–11). Київ: Логос.

Пилипенко, В. Е., Поддубный, В. А., Черненко, И. В. (1993). *Социальный морфогенез: эволюция и катастрофы (синергетический подход)*. Киев: Наукова думка.

Предборська, І. (1995). *Мінливість, соціум, людина*. Суми: Слобожанщина.

Пригожин, И., Стенгерс, И. (1986). *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой*. Москва: Прогресс.

Резнік, О. (2009). Динаміка чинників протестних практик населення України. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 3, 100–125.

Резнік, О. (2017). Соціальна напруженість та масові протести в Україні: відмінність детермінант та механізмів прояву. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 35–58.

Резнік, О. (2018). Від соціальної напруженості до протестної поведінки: мотивація участі в колективних діях. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 43–63.

Росс, Л., Нисбетт, Р. (2000). *Человек и ситуация. Уроки социальной психологии*. Москва: Аспект Пресс.

Саймон, Г. (2008). Структура сложности в развивающемся мире. В Б. М. Величковский, В. Д. Соловьев (Ред.), *Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук* (с. 21–28). Москва: Наука.

Седов, Е. (1982). *Одна формула и весь мир*. Москва: Знание.

Седов, Е. (1985). Взаимосвязь энергии, информации и энтропии в процессах управления и самоорганизации. В А. Г. Антипенко, В. И. Кремянский (Ред.), *Информация и управление (философско-методологические аспекты)*. Москва: Наука.

Седов, Е. (1993). Информационно-энтропийные свойства социальных систем. *Общественные науки и современность*, 5, 92–100.

Сірій, Є. (2016). Проблемні сторони дослідження соціальної напруженості українського суспільства. Вісник Національного технічного університету України “Київський політехнічний інститут”. Серія “Політологія. Соціологія. Право”, 1/2 (29/30), 82–88.

Слюсаревський, М. (2002). Соціальна напруженість: теоретична модель необхідних і достатніх показників. *Наукові студії із соціальної та політичної психології*, 5 (8), 24–34.

Сороко, Э. (1984). *Структурная гармония систем*. Минск: Наука и техника.

Хайек, Ф. А. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. Москва: Новости.

Хакен, Г. (1985). Синергетика: Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. Москва: Мир.

Хакен, Г. (2001). Принципы работы головного мозга. Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. Москва: ПЕР СЭ.

Хмелько, В. (1987). Общественное производство жизни: структура процессов и ее динамика. *Общественные науки и современность*, 2, 73–88.

Хойслеинг, Р. (2003). *Социальные процессы как сетевые игры: Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории*. Москва: Логос-Альтера.

Чернявська, О. (2001). *Механізм впливу соціальних змін на соціальну напруженість в сучасній Україні (на прикладі мегаполіса)* (Дис. ... канд. соц. наук). Харків: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна.

Шютц, А. (2003). *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. Москва: Институт Фонда “Общественное мнение”.

Anderson, P. (1999). Complexity Theory and Organization Science. *Organization Science*, 10 (3), 216–232.

Bailey, K. D. (1990). *Social Entropy Theory*. New York: SUNY (State University of New York) Press.

Beautement, P., Broenner, C. (2010). *Complexity Demystified: A Guide for Practitioners*. Axminster, UK: Triarchy Press.

Bouget, D. (2008). Social Tensions: Some General Elements. Paper prepared for presentation at the 2nd Annual RECOWWE Integration WEEK, Oslo, 10–15 June 2008. Retrieved from http://recwowe.vitamib.com/publications-1/papers/wp06-07-1/ploneexfile.2009-02-17.0118264294/preview_popup.

Cleveland, J. (1994). Complexity Theory. Basic Concepts and Application to Systems Thinking. Retrieved from <https://www.slideshare.net/johncleveland/complexity-theory-basic-concepts>.

Coser, L. (1956). *The Functions of Social Conflict: An Examination of the Concept of Social Conflict and Its Use in Empirical Sociological Research*. Glencoe, IL: The Free Press of Glencoe.

Grobman, G. M. (2005). Complexity Theory: A New Way to Look at Organisational Change. *Public Administration Quarterly*, 29 (3), 350–382.

Newman, M. E. J. (2003). The Structure and Function of Complex Networks. *SIAM (Society for Industrial and Applied Mathematics) Review*, 45 (2), 167–256.

Ritzer, G. (1990). Micro-Macro Linkage in Sociological Theory: Applying a Metatheoretical Tool. In G. Ritzer (Ed.), *Frontiers of Social Theory: The New Syntheses* (pp. 347–370). New York: Columbia University Press.

Sablouner, R., de la. (2017). Toward a Psychology of Social Change: A Typology of Social Change. *Frontiers in Psychology*, 8, 397.

Weizsaecker, E. U. von, Wijkman, A. (2018). *Come On! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet*. Berlin: Springer Science+Business Media.

Статья получена 18.07.2018

References

Akhiezer, A. (1994). Sociocultural Forecasting of Russia at the Macro- and Microlevels. [In Russian]. *Political Studies*, 6, 24–27. [= Ахиезер 1994].

Akhiezer, A. (1995). Disorganisation as a Category for Social Sciences. [In Russian]. *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 42–52. [= Ахиезер 1995].

Akhiezer, A., Gol'z, G. (1992). Critical Thresholds of Social Systems. [In Russian]. *Social Sciences and Contemporary World*, 1, 45–56. [= Ахиезер 1992].

Anderson, P. (1999). Complexity Theory and Organization Science. *Organization Science*, 10 (3), 216–232.

Archer, M. (1994). Realism and Morphogenesis. [In Russian]. *Sociological Journal*, 4, 50–68. [= Арчер 1994].

Arshinov, V., Budanov, V. (2017). Systems and Networks in the Context of Complexity Paradigm. [In Russian]. *Issues of Philosophy*, 1, 50–62. [= Аршинов 2017].

Bailey, K. D. (1990). *Social Entropy Theory*. New York: SUNY (State University of New York) Press.

Bakirov, V. (1993). Social Cognition at the Threshold of Post-Industrial World. [In Russian]. *Social Sciences and Contemporary World*, 1, 68–78. [= Бакиров 1993].

Bauman, Z. (2008). *Liquid Modernity*. [In Russian]. Saint Petersburg: Piter. [= Бауман 2008].

Beautement, P., Broenner, C. (2010). *Complexity Demystified: A Guide for Practitioners*. Axminster, UK: Triarchy Press.

Beck, U. (2000). *Risk Society: Towards a New Modernity*. [In Russian]. Moscow: Progress-Tradition. [= Бек 2000].

Beck, U. (2001). *What Is Globalisation?* [In Russian]. Moscow: Progress-Tradition. [= Бек 2001].

Bevzenko, L. (2002). *Social Self-Organisation. Synergetic Paradigm: Potentialities of Social Interpretations*. [In Russian]. Kyiv: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. [= Бевзенко 2002].

Bevzenko, L. (2008). *Lifestyles of a Transitional Society*. [In Russian]. Kyiv: Institute of Sociology of the NAS of Ukraine. [= Бевзенко 2002].

Bevzenko, L. (2015). Manifestations of Solidarity in Ukraine and How They Are Linked to Active Volunteering. [In Ukrainian]. *Methodology, Theory and Practice of Sociological Analysis of the Present-Day Society*, 21, 134–142. [= Бевзенко 2015].

Bevzenko, L. (2016). The Concept of Social Entropy in Synergetic Discourse on the Social Order. [In Russian]. *The Social Dimensions of Society*, 7 (18), 204–218. [= Бевзенко 2016].

Bevzenko, L. (2017a). Conceptualisation of Social Tension in the Complexity Paradigm: Systemic Character and Network Practices. [In Ukrainian]. *Proceedings of the 14th International Scientific Conference “Challenges to the Development of Sociological Theory: Structural Changes and Social Tensions”, Kyiv, 25–26 May 2017* (pp. 22–25). Kyiv: Logos. [= Бевзенко 2017a].

Bevzenko, L. (2017b). Network Practices as a Mediator Between Micro- and Macrolevels of Social Tension. [In Ukrainian]. *The Social Dimensions of Society*, 9 (20), 285–297. [= Бевзенко 2017b].

Bevzenko, L. (2017c). Social Tension as Social Entropy: The Difference in Semantic Emphasis. [In Ukrainian]. *Proceedings of the 3rd Congress of Ukraine’s Sociological Association “New Inequalities – New Conflicts: Ways to Overcome Them”, Kharkiv, 12–13 October 2017* (pp. 43–45). Kharkiv: V. N. Karazin Kharkiv National University. [= Бевзенко 2017c].

Bielai, S. (2012). Studying Social Tension as a Precursor to Crisis-Related Phenomena. [In Ukrainian]. *Theory and Practice of Public Administration*, 3 (38), 27–34. [= Бєлай 2012].

Bouget, D. (2008). Social Tensions: Some General Elements. Paper prepared for presentation at the 2nd Annual RECOWE Integration WEEK, Oslo, 10–15 June 2008. Retrieved from http://recwowe.vitamib.com/publications-1/papers/wp06-07-1/plonexfile.2009-02-17.0118264294/preview_popup.

Bourdieu, P. (1998). Structures, Habitus, Practices. [In Russian]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1 (2), 40–58. [= Бурдьє 1998].

Bourdieu, P. (2001). *Le sens pratique*. [In Russian]. Saint Petersburg: Aleteia. [= Бурдьє 2001].

Bourdieu, P. (2005). *Espace social: champs et pratiques*. [In Russian]. Saint Petersburg: Aleteia; Moscow: Institute of Experimental Sociology Press. [= Бурдьє 2005].

Castells, M. (2001). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. [In Russian]. Moscow: HSE (Higher School of Economics) University. [= Кастельс 2001].

Chernyavska, O. (2001). *The Impact of Social Changes on Social Tension in Today’s Ukraine: The Case of a Megalopolis* (Sociology PhD Thesis). [In Ukrainian]. Kharkiv: V. N. Karazin Kharkiv National University. [= Чернявська 2001]

Cleveland, J. (1994). Complexity Theory. Basic Concepts and Application to Systems Thinking. Retrieved from <https://www.slideshare.net/johncleveland/complexity-theory-basic-concepts>.

Coser, L. (1956). *The Functions of Social Conflict: An Examination of the Concept of Social Conflict and Its Use in Empirical Sociological Research*. Glencoe, IL: The Free Press of Glencoe.

Dahrendorf, R. (1994). Elemente einer Theorie des sozialen Konflikts. [In Russian]. *Sociological Studies*, 5, 87–93. [= Дарендорф 1994]

Davydov, A. (1988). Is There a Measure of Social Harmony? [In Russian]. *Sociological Studies*, 5, 72–74. [= Давыдов 1988].

Davydov, A., Davydova, Ye. (1992). *Measuring Social Tension*. [In Russian]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. [= Давыдов 1992].

Dobronravova, I. (1990). *Synergetics: Developing Non-Linear Thinking Skills*. [In Russian]. Kyiv: Lybid. [= Добронравова 1990].

Dobronravova, I., Finkel, L. (2005). Dynamical Chaos in Society as an Environment for Social Self-Organisation. [In Russian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 1, 168–180. [= Добронравова 2005].

Durkheim, E. (1994). *Le Suicide*. [In Russian]. Moscow: Mysl'. [= Дюркгейм 1994].

Giddens, A. (1994). *Fate, Risk and Security*. [In Russian]. *THESIS*, 6, 40–102. [= Гидденс 1994].

Giddens, A. (2004). *Runaway World: How Globalisation is Reshaping Our Lives*. [In Russian]. Moscow: Ves Mir Publishers. [= Гидденс 2004].

Golovakha, Ye., Panina, N. (1999). The Protest Potential of Ukrainian Society. [In Russian]. *Sociological Studies*, 10, 31–40. [= Головаха 1999].

Golovakha, Ye., Panina, N., Gorbachik, A. (1998). Measuring Social Well-Being: The IISW (Integral Index of Social Well-Being) Test. [In Russian]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modelling (4M)*, 10, 48–51. [= Головаха 1998].

Grigas, R. (2004). The Outlines of Sociological Conception of the Fields of Social Tensions. [In Russian]. *Sociological Studies*, 4, 29–34. [= Григас 2004].

Grobman, G. M. (2005). *Complexity Theory: A New Way to Look at Organisational Change*. *Public Administration Quarterly*, 29 (3), 350–382.

Haeussling, R. (2003). *Soziale Prozesse als Netzwerkspiele: Soziologische Essays zu Leitaskripten der Netzwerktheorie*. [In Russian]. Moscow: Logos-Altera. [= Хойслинг 2003]

Haken, H. (1985). *Advanced Synergetics: Instability Hierarchies of Self-Organising Systems and Devices*. [In Russian]. Moscow: Mir Publishers. [= Хакен 1985]

Haken, H. (2001). *Principles of Brain Functioning: A Synergetic Approach to Brain Activity, Behaviour and Cognition*. [In Russian]. Moscow: PER SE. [= Хакен 2001]

Hayek, F. A. (1992). *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. [In Russian]. Moscow: Novosti Press. [= Хайек 1992]

Khmelko, V. (1987). The Social Production of Life: The Structure of Processes and Its Dynamics. [In Russian]. *Social Sciences and Contemporary World*, 2, 73–88. [= Хмелько 1987]

Kniazeva, Ye. (2013). Complex Thinking: E. Morin, F. Varela, K. Mainzer. [In Russian]. In L. Bogataia (Ed.), *Philosophy of Thinking* (pp. 17–39). Odessa: Pechatnyi Dom. [= Князева 2013].

Kniazeva, Ye., Kurdiumov, S. (1992). Synergetics as a New Worldview: A Conversation with I. Prigogine. [In Russian]. *Issues of Philosophy*, 12, 3–20. [= Князева 1992].

Kochubei, N. (2012). The Network as a Room for Post-Non-Classical Practices. [In Russian]. In V. I. Arshinov, O. N. Astaf'yeva (Eds.), *Post-Non-Classical Practices: The Experience of Conceptualisation* (pp. 447–456). Saint Petersburg: Mir Press. [= Кочубей 2012].

Kultygin, V. (2004). Rational Choice Theory: Emergence and Current State. [In Russian]. *Sociological Studies*, 1, 27–36. [= Култыгин 2004].

Kutsenko, O. (2000). Social Changes and Transformations Through the Prism of Synergetic Approach. [In Ukrainian]. *V. N. Karazin Kharkiv National University Proceedings. Sociology*, 492, 38–48. [= Куценко 2000].

Kutsenko, O. (2001). Using a Theoretical Model of Self-Organisation to Understand Social Transformation. [In Ukrainian]. In M. Shul'ha (Ed.), *Proceedings of the 1st Conference of Ukraine's Sociological Association "Challenges to the Development of Sociological Theory"* (pp. 76–81). Kyiv: Institute of Sociology of the NAS of Ukraine. [= Куценко 2001].

Kutsenko, O. (2002). The Formation of Social Classes as Manifestation of Self-Organising Processes in Society. [In Russian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 4, 122–132. [= Куценко 2002]

Kuz'min, M. (1994). Self-Organisation and Socio-Evolution. [In Ukrainian]. *Philosophical and Sociological Thought*, 9–10, 99–133. [= Кузьмін 1994].

Latour, B. (2006). Where Are the Missing Masses? Sociology of a Few Mundane Artifacts. [In Russian]. In V. Vakhshain (Ed.), *The Sociology of Things (Collected Articles)* (pp. 199–223). Moscow: Territoria Budushhego. [= Латур 2006]

Latour, B. (2007). *On Interobjectivity*. [In Russian]. *Russian Sociological Review*, 6 (2), 79–96. [= Латур 2007]

Latour, B. (2014). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. [In Russian]. Moscow: HSE (Higher School of Economics) Press. [= Латур 2014]

Luhmann, N. (1994). Der Begriff Risiko. [In Russian]. *THESIS*, 5, 135–160. [= Луман 1994]

Mainzer, K. (2000). Complexity and Self-Organisation: The Emergence of a New Science and Culture at the Turn of the Century. [In Russian]. In V. I. Arshinov, V. G. Budanov, V. E. Voitsekhovich (Eds.), *Synergetic Paradigm. Diverse Quests and Approaches* (pp. 59–79). Moscow: Progress-Tradition. [= Майнцер 2000]

Maturana, H., Varela, F. (2001). *El árbol del conocimiento: las bases biológicas del entendimiento humano*. [In Russian]. Moscow: Progress-Tradition. [= Матурана 2001]

Matveichev, O. (2018). A New Report to the Club of Rome by the Co-Presidents Ernst von Weizsaecker and Anders Wijkman. What's the Verdict? "The Old World Is Doomed. A New World Is Inevitable!" [In Russian]. *LiveJournal*. Retrieved from <https://matveychev-oleg.livejournal.com/6653054.html>. [= Матвейчев 2018]

Medushevskaja, O. (2010). Cognitive Information Processing Theory in the Sociology of History and Anthropology. [In Russian]. *Sociological Studies*, 11, 63–73. [= Медушевская 2010]

Merton, R. (1966). Social Structure and Anomie. [In Russian]. In M. Wolfgang (Ed.), *The Sociology of Crime and Delinquency. Modern Bourgeois Theories* (pp. 299–313). Moscow: Progress. [= Мертон 1966]

Nebozhenko, V. (1994). *Social Tension and Conflicts in Ukrainian Society*. [In Ukrainian]. Kyiv: Abrys. [= Небоженко 1994]

Nesterova, M. (2015). *Cognitive Science: Origins, Challenges, Prospects*. [In Russian]. Sumy: Universitetskaia Kniga. [= Нестерова 2015]

Newman, M. E. J. (2003). The Structure and Function of Complex Networks. *SIAM (Society for Industrial and Applied Mathematics) Review*, 45 (2), 167–256.

Osipova, Ye. (2016). The Transformation of Daily Practices in Today's Russian Society: Conceptualisations in the Context of "Crisis-Consciousness" Theories (Sociology PhD Thesis). [In Russian]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. Retrieved from <http://www.dslib.net/teoria-sociologii/transformacija-povsednevnyh-praktik-v-sovremennom-rossijskom-obwestve.html>. [= Осипова 2016]

Paniotto, V. (2017). The Factors of Happiness and Social Tension. [In Ukrainian]. Proceedings of the 14th International Scientific Conference "Challenges to the Development of Sociological Theory: Structural Changes and Social Tensions", Kyiv, 25–26 May 2017 (pp. 10–11). Kyiv: Logos. [= Паниотто 2017]

- Pilipenko, V. Ye., Poddubnyi, V. A., Chernenko, I. V. (1993). *Social Morphogenesis: Evolution and Catastrophes (A Synergetic Approach)*. [In Russian]. Kyiv: Naukova Dumka. [= Пилипенко 1993]
- Predbors'ka, I. (1995). *Variability, Society, Person*. [In Ukrainian]. Sumy: Slobozhan-shchyna. [= Предборська 1995]
- Prigogine, I., Stengers, I. (1986). *Order out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature*. [In Russian]. Moscow: Progress. [= Пригожин 1986]
- Reznik, O. (2009). The Dynamics of Factors Determining Protest Practices of Ukraine's Population. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 3, 100–125. [= Резнік 2009]
- Reznik, O. (2017). Social Tensions and Mass Protests in Ukraine: Different Determinants and Manifestation Mechanisms. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 2, 35–58. [= Резнік 2017]
- Reznik, O. (2018). From Social Tension to Protest Behaviour: Motivation for Participation in Collective Actions. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 2, 43–63. [= Резнік 2018]
- Ritzer, G. (1990). Micro-Macro Linkage in Sociological Theory: Applying a Metatheoretical Tool. In G. Ritzer (Ed.), *Frontiers of Social Theory: The New Syntheses* (pp. 347–370). New York: Columbia University Press.
- Ross, L., Nisbett, R. (2000). *The Person and the Situation: Perspectives of Social Psychology*. [In Russian]. Moscow: Aspect Press. [= Росс 2000]
- Sablonnière, R., de la. (2017). Toward a Psychology of Social Change: A Typology of Social Change. *Frontiers in Psychology*, 8, 397.
- Schütz, A. (2003). *Der sinnhafte Aufbau der alltäglichen Welt: Essays zur phänomenologischen Soziologie*. [In Russian]. Moscow: Institute of Public Opinion Foundation. [= Шютц 2003]
- Sedov, Ye. (1982). *One Formula and the Entire World*. [In Russian]. Moscow: Znanie. [= Седов 1982]
- Sedov, Ye. (1985). The Relationship Between Energy, Information and Entropy in the Processes of Control and Self-Organisation. [In Russian]. In A. G. Antipenko, V. I. Kremianskii (Eds.), *Information and Control (Philosophical and Methodological Aspects)*. Moscow: Nauka. [= Седов 1985]
- Sedov, Ye. (1993). Informational and Entropic Properties of Social Systems. [In Russian]. *Social Sciences and Contemporary World*, 5, 92–100. [= Седов 1993]
- Simmel, G. (1996). *Selected Writings in 2 vol.; Vol. 2: Contemplation of Life (Lebensanschauung)*. [In Russian]. Moscow: Jurist Press. [= Зиммель 1996].
- Simon, H. (2008). The Architecture of Complexity. [In Russian]. In B. M. Velichkovsky, V. D. Solov'yev (Eds.), *Computers, Brain, Cognition: Accomplishments in Cognitive Sciences* (pp. 21–28). Moscow: Nauka. [= Саймон 2008]
- Siryi, Ye. (2016). Problem Areas of the Study of Social Tension in Ukrainian Society. [In Ukrainian]. *Proceedings of National Technical University of Ukraine "Kiev Polytechnic Institute". Political Science, Sociology, Law*, 1/2 (29/30), 82–88. [= Сірий 2016]
- Slusarevskiy, M. (2002). Social Tension: A Theoretical Model of Necessary and Sufficient Indicators. [In Ukrainian]. *Academic Studies in Social and Political Psychology*, 5 (8), 24–34. [= Слюсаревський 2002]
- Soroko, E. (1984). *Structural Harmony of Systems*. [In Russian]. Minsk: Nauka i Tekhnika. [= Сороко 1984]
- Vakhshtain, V. (2005). The Return of the Material. "Spaces", "Networks", and "Flows" in Actor-Network Theory. [In Russian]. *Russian Sociological Review*, 4 (1), 94–115. [= Вахштайн 2005].
- Volkov, V., Kharkhordin, O. (2008). *The Theory of Practices*. [In Russian]. Saint Petersburg: European University at St. Peterburg Press. [= Волков 2008].

Weizsaecker, E. U. von, Wijkman, A. (2018). *Come On! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet*. Berlin: Springer Science+Business Media.

Zaiakina, R., Romm, M. (2017). A Network Approach: Between the Topologies of Space and Shape. [In Russian]. *Russian Sociological Review*, 16 (2), 163–179. [= Заякина 2017].

Zlobina, O. (2014). The Emotional Component of Social Transformations: The Case of Maidan. [In Ukrainian]. *The Social Dimensions of Society*, 6 (17), 314–326. [= Злобіна 2014].

Zlobina, O. (2015). After Maidan: How the Equilibrium Between Dominance and Resistance is Being Restored. [In Ukrainian]. *Proceedings of the International Scientific Conference “The State and Global Social Changes: Historical Sociology of Dominance and Resistance in the Age of Modernity”*, Kyiv, 26–27 November 2015 (pp. 23–27). Kyiv: Talkom. [= Злобіна 2015].

Zlobina, O. (2016). The Emotional Dimension of Social Transformations: From Methodological Questions to Methodical Decisions. [In Ukrainian]. *V. N. Karazin Kharkiv National University Proceedings. Sociological Research of the Present-Day Society; Methodology, Theory, Methods*, 36, 28–35. [= Злобіна 2015].

Zlobina, O. (2017a). Social Tension During Social Transformations: New Approaches to Interpreting Empirical Data. [In Ukrainian]. *The Social Dimensions of Society*, 8 (19), 214–230. [= Злобіна 2017a].

Zlobina, O. (2017b). The Chains of Disappointment: Today’s Trends of Emotional Transformations in Ukrainian Society. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 4, 37–52. [= Злобіна 2017b].

Zlobina, O., Tykhonovych, V. (1996). *A Person Nowadays: Adapting to Social Instability*. [In Ukrainian]. Kyiv: Institute of Sociology of the NAS of Ukraine [= Злобіна 1996].

Received 18.07.2018